

Как читать локальный текст — вслух? Аудиогид «Ялгуба. Связь времен»

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ФЕДОСОВА ^[1]

✉ bigl2005@bk.ru

 <https://orcid.org/0009-0004-4686-1209>

^[1] Независимый исследователь

Для цитирования статьи:

Федосова, К. А. (2026). Как читать локальный текст — вслух? Аудиогид «Ялгуба. Связь времен». *Фольклор и антропология города*, 8(1), 311–330.

Статья представляет опыт реализации проекта по созданию аудиогuida «Ялгуба. Связь времен», нацеленного на сохранение и презентацию локального культурного текста карельской деревни. Основу методологии составляет эмический подход: создатели ставят цель «озвучить» деревню голосами самих жителей через их воспоминания, связанные с пространством. В статье подробно описана исследовательская практика «маршрутизации памяти» — процесс выявления значимых мест и устных топонимов через работу с архивными материалами, ментальными картами, go-along интервью и активным вовлечением сообщества через социальные сети и офлайн-встречи. В результате работы созданы два экскурсионных маршрута (ближний и дальний), аккумулирующие нарративы об истории деревни, укладе жизни, сакральных и повседневных практиках. Теоретическим рефлексивным итогом проекта стал переход от понимания локального текста как единого к анализу его множественных версий, связанных с разными социовозрастными группами жителей (коренные ялгубцы, дачники, переселенцы). Статья поднимает важные вопросы об этике исследования памяти, конструировании наследия и потенциале таких проектов для внутренней консолидации локального сообщества и диалога с внешними.

Ключевые слова: локальный текст, аудиогид, память места, устная история, маршрутизация памяти, Карелия, Ялгуба, сообщество, эмический подход, культурное наследие

Исследование выполнено при поддержке гранта Фонда президентских грантов, номер заявки 25-2-006090.

Дата поступления в редакцию: 06.12.2025

Дата принятия к публикации: 13.01.2026

© К. А. Федосова, 2026

How to read a local text? Aloud? Audio guide “Yalguba. Connecting times”

KSENIYA A. FEDOSOVA ^[1]

✉ bigl2005@bk.ru

 <https://orcid.org/0009-0004-4686-1209>

^[1] Independent researcher

To cite this article:

Fedosova, K. A. (2026). How to read a local text? Aloud? Audio guide “Yalguba. Connecting times”. *Urban Folklore & Anthropology*, 8(1), 311–330.

The article examines the experience of creating the audio guide Yalguba: The Connection of Times, designed to preserve and present the local cultural text of a Karelian village. The project is grounded in an emic approach and seeks to “give voice” to the village through residents’ memories embedded in physical space. The authors describe the methodology of “memory routing”, understood as the identification of significant places and oral toponyms through archival research, mental maps, go-along interviews, and active community engagement on social media. As a result, two tour routes (short and extended) were developed, incorporating narratives of local history, everyday life, and both sacred and mundane practices. The project’s theoretical focus shifted from the idea of documenting a single local text to the analysis of its multiple versions, associated with different socio-age groups of residents, including long-term inhabitants, seasonal residents, and migrants. The article addresses broader questions concerning the ethics of memory research, the construction of heritage, and the potential of such projects to foster internal community consolidation and dialogue with external audiences.

Keywords: local text, audio guide, memory of place, oral history, memory routing, Karelia, Yalguba, community, emic approach, cultural heritage

This research was supported by a grant from the Presidential Grants Foundation (application no. 25-2-006090).

Received: 06.12.2026

Accepted: 13.01.2026

© K. A. Fedosova, 2026

Замысел проекта

Задумка сделать «глубинную» аудиоэкскурсию по Ялгубе выросла из нашего знакомства с Верой Мешко на тематическом семинаре в Петрозаводске. Я, будущий научный руководитель ялгубского проекта, тогда только закончила работу по созданию аудиогuida о с. Карпогоры¹ (Архангельская обл.). В процессе работы над ним я сформулировала важный для себя тезис о том, что подобные экскурсии должны опираться на эмический подход и отражать восприятие жителей места — «внутреннюю» версию локального текста. Хотелось пройти цикл еще раз, осознанно воплощая эту идею (подробнее о том, что получилось, см. ниже, в разделе «Концептуальная рамка»).

Петрозаводчанка Вера Мешко, административный руководитель проекта и проводник ялгубской экспедиции, была движима любовью к «своей» Ялгубе и опиралась на опыт и ресурсы многочисленных туристических инициатив, связанных с северным туризмом, в том числе инклюзивным. Веру привело в проект желание вовлечь местных жителей в интересную для них инициативу.

Социальная рамка проекта

Ялгуба — старинная изначально карельско-русская, но давно обрусевшая деревня, переживающая не самые простые времена с точки зрения самоощущения местного сообщества. Интенсивный поток новых дачников и туристов, вызванный транспортной доступностью и туристической привлекательностью, приводит к активному развитию дачной и туристической инфраструктуры и одновременно к нивелированию исторических и культурных особенностей места. Большинство коренных ялгубцев среднего и старшего поколения, чья жизнь пришлась на пору сельскохозяйственного расцвета, сейчас ощущают себя «на обочине» жизни.

Сбор воспоминаний для аудиогuida, активное обсуждение этого процесса в ялгубском сообществе в сети «ВКонтакте», которое ко времени окончания проекта (01.08.2026) будет длиться уже больше года, а также события по презентации итогового продукта в деревне, его потенциальное использование туристами и продвижение среди держателей гостевых домов, внедрение в локальные образовательные активности — все это позволяет надеяться на то, что проект актуализирует обращение к устной памяти об ушедшей эпохе и даже, в смелых мечтах, способствует консолидации сельского сообщества по некоторым болезненным вопросам, таким как

¹ Аудиоэкскурсию «Карпогоры из-под полы» см.: [<https://www.izi.travel/ru/58c0-karpogory-iz-pod-poly/ru>]

установка памятного креста на месте уничтоженного в советские годы ялгубского кладбища².

Исполнители и грантовая поддержка

Вера Анатольевна Мешко (Петрозаводск), руководитель АНО «Северное развитие», которое она учредила с целью разработки проектов регионального развития по самому широкому спектру направлений. «Ялгуба. Связь времен» поддержан Фондом президентских грантов³ и реализуется «Северным развитием». А еще Вера — ялгубская дачница во втором поколении. Вера более тридцати лет проводит в Ялгубе несколько месяцев в году и считает деревню своим вторым домом.

Вера Андреевна Комарова (Москва), сотрудник РАНХиГС, регулярный участник экспедиций Лаборатории фольклористики РГГУ на Русский Север, историк, этнограф. Вера более 20 лет занимается исследованиями севернорусской культуры смежного с Карелией региона и популяризацией этих материалов в том числе в формате аудиогuida⁴, который, с точки зрения Веры, позволяет очень удачно продемонстрировать их и местным жителям, и (потенциальным) туристам.

Елена Константиновна Малая (Москва, Дубна), историк и антрополог, фольклорист. Научный сотрудник Музея истории науки и техники ОИЯИ, руководитель его исторического архива. Занимается исследованиями советской темпоральности, гражданских ритуалов, *memory studies* и устной историей.

Сергей Андреевич Минвалеев (Петрозаводск), кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Занимается исследованиями культуры карелов, адаптаций традиций к советским и современным реалиям. Его роль в проекте была связана с фиксацией карельского следа и со взаимодействием с ведомственными архивами.

Ксения Александровна Федосова (Москва), кандидат филологических наук, независимый исследователь, сотрудник фонда «Электронная энциклопедия истории и культуры российских сел и деревень», научный руководитель гуманитарного трека школьных проектно-исследовательских экспедиций (Школа № 1561).

² Если учесть, что работа над аудиогидом сейчас привела к возникновению нового проекта, связанного с «перезагрузкой» ялгубского музея и Дома культуры, то эти мечты перестают казаться недостижимыми.

³ Номер заявки 25-2-006090.

⁴ См. аудиозаписи «Народная история Волосова» по селу в Каргопольском районе Архангельской области: [<https://izi.travel/ru/ef12-narodnaya-istoriya-volosova/ru>]

Роман Андреевич Жуков (Москва), ученик московской Школы № 1561 и неоднократный участник школьных экспедиций.

Евгений Маркович Баллад (Москва), к.ф.-м.н., музыкант, многократный участник и соорганизатор экспедиций Школы им. Вернадского № 1553. Имеет многолетний опыт полевой звукозаписи, обработки и реставрации архивных аудиоматериалов. Основатель фолк-коллектива «Лямца», звукорежиссер ансамбля Песни и Пляски им. В. С. Локтева.

Рис. 1. Команда проекта с местным краеведом Т. Д. Щербачевой на главной улице Ялгубы. Фото Е. К. Малой, 2025

Fig. 1. The project team with local historian T. D. Shcherbacheva on the main street of Yalguba. Photo by E. K. Malaya, 2025

Этапы реализации проекта (общая логика)

Предварительный этап включал проработку архивов и публикаций по региону. Полевые записи из Ялгубы были обнаружены в Фольклорном архиве Научной библиотеки Петрозаводской государственной консерватории им. А. К. Глазунова (экспедиции 1979, 1980 годов); Фонограммархиве Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (аудиозаписи экспедиции Н. А. Криничной и В. И. Пулькина 1977 года); Научном архиве Карельского научного центра РАН (полевые дневники и расшиф-

ровки экспедиций Н. А. Криничной и В. И. Пулькина 1977 года, С. М. Лойтер 1979 года, К. К. Логинова и Д. Фудживара 2002 года). Кроме того, параллельно с подготовкой грантовой заявки, команда прорабатывала теоретическую основу проекта — обсуждалось понятие локального текста и возможности реализации эмического подхода к фиксации локального текста.

Рис. 2. Маршрут аудиозаписи на карте (геометки)
Fig. 2. The audio tour route on the map (geotags)

После одобрения гранта началась активная работа с социальными сетями, особенно с группой Ялгубы во «ВКонтакте». Мы представили замысел проекта в нескольких публикациях, пригласили жителей к соучастию и анонсировали первую встречу, которая состоялась в начале полевого этапа⁵. На протяжении всей работы посты вызывали и продолжают вызывать живой отклик в виде лайков, репостов и комментариев — воспоминаний, рассуждений.

Полевой этап включил сбор интервью, ментальных карт и данных включенного наблюдения, а также создание прототипа экс-

⁵ Например, приглашение на первую встречу, вызвавшее 5 репостов и 5 комментариев, гласило: «Уважаемые ялгубцы! Перед нашей первой встречей, которая пройдет в клубе в эту среду, 13 августа, в 11.00, просим вас подумать — какие места в Ялгубе для вас лично дороги? Какие места были важны, но исчезли со временем? Какие места вы вспоминаете как особенные и хотели бы о них рассказать? Вместе с вами начнем составлять виртуальную экскурсию по важным местам деревни, и тем, что сохранились, и тем, что имели значение в прошлом. Кто не сможет прийти на встречу — пишите в комментариях, выкладывайте фотографии» [https://vk.com/wall-208952415_4444].

курсионного маршрута, его апробацию вместе с жителями и сбор обратной связи.

Камеральный этап включил дальнейшую обработку и систематизацию собранных данных и архивных материалов; монтаж аудиоэкскурсии и разработку на ее основе детского квеста, а также освещение работы по созданию экскурсии в социальных сетях деревни.

Представление результатов, помимо академических площадок («Краеведческие чтения» Национальной библиотеки Республики Карелия, ИЯЛИ КарНЦ РАН; факультет туризма ПетрГУ), предполагает размещение экскурсии на туристических порталах, представление экскурсии и детского квеста в Ялгубе — в музее и гостевых домах, а также передачу всех материалов для экскурсии и квеста, в том числе музейных баннеров, заинтересованным партнерам в деревне (краеведам и старосте деревни).

Текущим итогом нашей работы стали два разработанных маршрута и материалы интервью, собранные для обоих. На следующем этапе предстоит смонтировать аудиогид из фрагментов интервью и комментария рассказчиков (в этом качестве выступят исследователи из команды проекта).

Маршруты

Ближний маршрут пролегает по центральной сельской улице, идущей вдоль берега губы Онежского озера — так, как деревня строилась исторически и по концам которого теперь прирастает новыми гостевыми домами и дачами.

Маршрут захватывает въезд в деревню по трассе, ведет мимо крупных сельскохозяйственных построек, теперь заброшенных, приводит в исторический центр и заканчивается на границе «старой» и «новой» Ялгубы — дачно-туристического квартала, появившегося в последние десятилетия. Маршрут включает несколько спусков к воде с выходами к точкам уже не существующей паромной переправы и теплоходного причала, а также выход на начало дороги, ведущей к соседней деревне.

Ближний маршрут включает следующие точки и темы:

1. Ялгуба общая (въезд в деревню: общие исторические сведения о деревне).

2. Ялгубское кладбище и часовня (история кладбища, возникшего после уничтожения старого кладбища в центре деревни; часовня как постоянное место встречи жителей пасхальным утром; интересные элементы местного похоронного обряда, в том числе архивные записи причитания невесты-сироты).

3. Заброшенные совхозные постройки и история Ялгубского совхоза-миллионника.

4. Первый на маршруте традиционный дом (особенности традиционной архитектуры).

5. Спуск к воде (Ялгуба как водная деревня: застройка вдоль губы, повседневное использование водного пространства и пространства вдоль воды; вернакулярные названия заросших пожен, наволоков).

6. Поворот дороги на соседнюю д. Суйсарь (важная в силу географического местоположения для ялгубцев оппозиция «“мы” vs суйсары»: торгово-хозяйственные и социальные взаимоотношения, их отражение в фольклорных текстах) и расположенные вдоль этой дороги бывшие поля и их вернакулярные названия.

7. Дом потомков одного из последних старообрядцев, предположительно, главы общины (староверчество в Ялгубе, в том числе в советское время, и «старообрядческий след»).

8. Заброшенный магазин (история уничтожения старого кладбища для постройки этого магазина; история ялгубской церкви, расположенной напротив магазина; «след» в воспоминаниях: найденные иконы, память о спасенном священнике).

9. Мемориал погибшим в Великой Отечественной войне (воспоминания об эвакуации и финской оккупации).

10. Спуск к воде: место бывшей паромной переправы (воспоминания о пароме; социальные и торговые связи с «городом» — Петрозаводском; зимник; ямские станции и постоянные дворы в Ялгубе).

11. Часовня Пантелеймона (новая часовня еще не «вросла» в локальный текст, но ее местоположение исторично и маркирует границы между частями деревни — околотками).

12. Дом репрессированных купцов Зайцевых, служивший детским садом; учительский дом (воспоминания о школе; здание школы не сохранилось).

13. Сельский музей/ДК (точка, где на первый план выйдет исследовательская версия локального текста и будет вставлен научно-популярный рассказ о карельском (людикском) следе, а также воспоминания об особенно ярких событиях в ДК — танцах, кинопоказах, гастролях артистов).

14. Пристань (яркие воспоминания о встречах с приезжавшими из города на выходные родственниками и разными способами общения с городом в разные периоды существования малой навигации).

15. Барсуковский дом и амбар (один из больших традиционных домов деревни, принадлежавший семье Барсуковых, около которого, по воспоминаниям, собирались «хухлики» — святочные ряженные; мимо него шел зимник, в самом доме располагался постоянный двор, а в советское время проводились заседания сельсовета).

16. Южный конец Ялгубы (несколько зарастающих полей и их утрачивающиеся названия; воспоминания о Дне пионерии и праздничных кострах, которые школьники с педагогами жгли в этом месте).

17. Часовня св. Власия (история недавней перестройки старинного сруба часовни и легенды об обережном значении часовни, которая спасает Южный конец от змей).

Рис. 3. Барсуковский дом — одна из точек аудиогuida по Ялгубе.

Фото В. А. Комаровой, 2025

Fig. 3. The Barsukovsky House, one of the audio guide stops in Yalguba.

Photo by V. A. Komarova, 2025

Несколько разделов аудиогuida не будут соотнесены с конкретными точками. Их можно будет послушать во время переходов. Это такие разделы, как народная медицина, колдовство и особенности местной кулинарии. Это объясняется или отсутствием удобной точки для прослушивания, или тематикой разделов: будучи важными составляющими локального текста, они не могут быть привязаны к местности.

Дальний маршрут — более протяженный по времени и расстоянию, но число точек на нем в три раза меньше: это выход на бывший зимник в направлении Кижей; зарастающие совхозные выпасы и поля за деревней и приметы многовековой хозяйственной деятельности; дерево с затёсом в виде креста; делянки, сохраняющие следы

сбора живицы, которым занимались рабочие местного лесхоза; недавно восстановленный крест-ориентир на берегу Онежского озера, маркирующий сход зимнего пути с материка на лед.

Рис. 4. Дерево с затёсом в виде креста на дальнем маршруте экскурсии.

Фото В. А. Комаровой, 2025

Fig. 4. A tree with a cross-shaped blaze along the remote section of the excursion route.

Photo by V. A. Komarova, 2025

Дальний маршрут менее культурно освоен из-за удаленности от деревни: объекты, находящиеся на нем, известны меньшему числу жителей, и корпус записанных воспоминаний куда скромнее. Мы планируем, отступая от идеи аудиогuida как «прочтения вслух» локального текста, наполнить длинные переходы между точками дальнего маршрута редкими и интересными литературными материалами (небольшими рассказами писательницы Татьяны Мешко, долгое время прожившей в Ялгубе) и фольклорными материалами из архивов полевых экспедиций в Ялгубу (например, включить записанные в Ялгубе предания о Петре I).

Концептуальные основания проекта: как «читать» локальный текст?

Предпосылкой для этих размышлений служит тезис о том, что создающийся нами, исследователями, аудиогид хотя бы частично отражает значимые для жителей тексты и темы и, соответственно,

является «срезом» локального текста. Остается вопрос: как же он конструируется? Иными словами, как сложился маршрут, представленный в предыдущем разделе? Почему именно таков набор составляющих его точек и тем? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо подробнее рассмотреть концептуальные основания нашего подхода и наш опыт его практической реализации.

В социальной антропологии под локальным текстом понимают практики, представления и тексты, непосредственно соотносящиеся с местом и репрезентирующие его с точки зрения самих жителей [Алексеевский и др. 2008]. Для формата аудиогuida важно было выявить не «все» «практики, представления и тексты», а в первую очередь те, которые были бы связаны с реально существующими и локализуемыми объектами и местами. И, естественно, нам нужно было сосредоточиться на пространстве деревни и локациях, находящихся в шаговой доступности от нее.

Все это трансформирует исходный посыл, не отменяя его. Базовым тут является предположение, что внешний относительно сообщества жителей исследователь может «прочитать» локальный текст, анализируя корпус собранных интервью, а затем, маршрутизируя (расположив на местности) его элементы, «озвучить» локальный текст — «прочитать» его «вслух».

Мы отталкивались от ряда референсов — примеров аудиогидов, созданных сотрудниками сельских культурных институций, и все они оказались сфокусированы на соотношении местного культурного ландшафта с контекстом «большой истории» («легитимации» и повышения статуса через причастность к общероссийским событиям или людям) или создании его романтизированного образа. В нашем случае задача была обратной: хотелось «прочитать вслух» локальную память, озвучить ее нашими голосами комментаторов и голосами ялгубцев — в виде аудиофрагментов из интервью.

Из сказанного органично вытекает тот факт, что, хотя аудиогид ориентирован на активный туристический поток, нам было принципиально важно, чтобы результат нашей работы — представленная в аудиогиде версия локального текста — была принята самими жителями деревни, воспринималась ими как своя. Для того чтобы достичь этого, мы заложили в логику проекта несколько важных этапов, которые должны были способствовать решению такой задачи: регулярное общение с жителями деревни через социальные сети на протяжении всего хода проекта (от анонса начала работы до презентации финального продукта), включающее информирование о ходе работы и публикацию выборочных архивных материалов и отрывков из интервью (анонимно); офлайн-встречу с заинтересованными жителями на первом этапе реализации проекта; апробацию пилотного варианта экскурсии во время полевого выезда; офлайн-презентацию итогового продукта в деревне и целевой

поиск жителей, заинтересованных в использовании материалов, собранных для экскурсии.

По мере реализации аудиогuida основной теоретический вопрос, который лежал в основании проекта, претерпел изменения. От вопроса о том, «как исследовать, зафиксировать и отразить локальный текст», мы перешли к вопросам о его природе: «что такое локальный текст»; «какие версии локального текста можно увидеть в рамках одного сельского сообщества»; «можно ли говорить о том, что у локального текста есть носитель(и), и пытаться соотнести разные версии локального текста с социальными группами»; «какими методами мы можем его исследовать, или “читать”»; «кто его конструирует и как это сказывается на итоговой версии».

Методология сбора и исследования

Так как взаимодействие с жителями в проекте должно было быть многоплановым, мы начали поиск собеседников заранее и искали не только «информантов», но и активных «партнеров». Поиск шел через сообщество Ялгубы во «ВКонтакте» (посты-знакомства, содержащие приглашение к общению) и предварительные разговоры, которые организовывала на месте Вера Мешко. В итоге была заранее достигнута договоренность со старостой деревни, местным краеведом и некоторыми старожилами/дачниками, ежегодно проводящими в Ялгубе летний сезон.

Основной пул информантов мы набрали в результате первой встречи-знакомства, которую мы устроили в начале экспедиции. Встреча проводилась в формате серии небольших докладов, которые мы подготовили для жителей, и чаепития⁶. На встречу пришло около 30 человек (летняя Ялгуба — это около 500 жителей), среди которых были и дачники, и коренные ялгубцы, — и почти все они оставили свои контакты для интервью.

Было очевидно, что для наших целей больше информации можно получить в работе теми, кто прожил в деревне всю жизнь, и тем не менее, мы поставили своей целью опросить по возможности всех, кто оставил контакты, так как видели в этом социальный смысл активизации интереса к местной памяти.

Постепенно, по мере того, как мы погружались в жизнь деревни, приходили новые и новые приглашения прийти и взять интервью — мы набирали информантов методом снежного кома.

⁶ Доклады были посвящены «карельскому следу» в современной сельской культуре Карелии; подходам к работе с устной памятью; примерам проектов, аналогичным нашему — и вызвали живой отклик.

Рис. 5–6. Встреча с местными жителями в ялгубском клубе.

Фото В. А. Комаровой, 2025

Fig. 5–6. A meeting with local residents at the Yalguba community club.

Photo by V. A. Komarova, 2025

Маршруты и «места» (здания и пространства разного типа) были тем формирующим и направляющим слоем, к которому в формате аудиогuida оказывалась привязана устная память, поэтому наша работа была направлена на то, чтобы максимально полно исследовать именно их. Таким образом, создание маршрута для аудиогuida можно назвать процессом маршрутизации памяти. Чтобы разработать его, нам потребовалось последовательно решить ряд задач.

На подготовительном этапе мы собрали исходный корпус вернакулярных топонимов, упомянутых в архивных интервью предыдущих экспедиций. Этот корпус составил самостоятельный раздел гайда, по которому мы работали. Другие части гайда были посвящены таким пространственным «срезам» локального текста, как места традиционных и советских общественных гуляний и праздников; сакральные и опасные места; места памяти (музеи, памятники); необычные места в деревне и за ее территорией; торговые и социальные межпоселенческие маршруты; общественные и необычные, в том числе старинные здания деревни. Надо сказать, что часть этих мест нам не удалось обнаружить в культурном ландшафте (например, места гуляний и демонстраций), а часть, наоборот, оказалась представлена гораздо ярче, чем мы предполагали изначально (например, старый зимник, проходивший через Ялгубу и соединявший Пудож и Санкт-Петербург).

Экспедиционный этап был многосоставным. В первой части экспедиции мы обсуждали все записанные интервью, чтобы выявить новые топонимы и дополнить исходный корпус, а также пополнить список значимых для ялгубцев мест. Тем самым мы наращивали основную рабочую базу и закладывали базу аудиогuida.

Далее мы маршрутизировали локальный текст, то есть соотносили устойчиво встречающиеся в интервью нарративы с географическими точками в пространстве деревни и за ее пределами. Для этого мы использовали распечатанную карту деревни, на которую прикрепляли карточки-стикеры, на каждой из которых был указан сюжет/нарратив/тема (сенокос на личной пожне; сбор живицы на делянке; жизнь в школьном интернате; танцы в клубе и т. д.).

После этого было необходимо дополнительно выявить темы, которые оказались ярко представлены в локальном тексте, но не привязаны к местности (например, старообрядчество, колдовство, святочные игрища, особенности местной кухни и др.), чтобы соотнести их с точками для аудиогuida, найти не географическую, но содержательную связь.

Важной и неочевидной задачей была фиксация точек, которые остались только в памяти жителей. Это руинированные постройки или их следы, а также сами места, где располагались уже исчезнувшие, но когда-то важные здания/уголья/дороги (судоверфь, причал и паром; старый зимник; разрушенная церковь и уничто-

женное кладбище; заросшие поля и пожни, имевшие названия). На этом этапе для нас были важны «хонтологические» работы о призраках прошлого [Trigg 2009; Эткин 2024]. Они позволили глубже осмыслить темы, связанные с трудным прошлым Ялгубы — советскими репрессиями, насильственным уничтожением деревенского кладбища и постройки на его месте магазина.

На этом этапе выяснилось, что для создания аудиогuida необходимо определиться с «глубиной проникновения» в память. Для информантов разного возраста и биографии оказывались значимыми свои «наборы» точек — и у нас начало складываться понимание, что локальный текст существует в ялгубском сообществе в виде версий, носителями которых являются соответствующие социовозрастные группы.

Большую часть топонимов из архивных интервью, записанных участниками экспедиции 1970 года, локализовать не удалось — по всей видимости, этот слой уже не сохранился в памяти наших собеседников (поколение 1940–1950-х годов рождения).

В наших ежевечерних обсуждениях, какие точки включать в корпус значимых для аудиогuida, а какие — нет, мы старались фиксировать, что интересно для нас как исследователей и внешних наблюдателей, что — потенциально привлекательно для туристов, а что значимо для жителей. Отслеживать «исследовательскую погрешность» было необходимо, чтобы осознанно уделить внимание «прочтению» локального текста и пониманию того, кем и как он конструируется.

Параллельной задачей была географическая локализация зафиксированных с помощью интервью топонимов и точек, то есть соотнесение их с положением на местности (географические координаты — техническая необходимость для привязки точки к карте). Для того, чтобы это осуществить, нам потребовалось провести несколько прогулок совместно с жителями в формате go-along интервью [Kusenbach 2003]. Этот формат интервью был особенно нагляден — он позволил увидеть и зафиксировать пласт воспоминаний и культурных смыслов, «нанизанных» на эти маршруты. Кроме того, мы смогли увидеть, какие траектории передвижения по деревне органичны для жителей. Индивидуальные траектории передвижения мы планировали использовать в аудиогиде как «аутентичные» маршруты, но это оказалось невозможным: большинство из таких путей не нанесены на Яндекс.Карты и предполагают проход по частной территории.

Часть пространств, значимых для жителей, располагалась за деревней (в пределах 5 км), и мы находили их самостоятельно, без помощи местных проводников — нам хватило их описания в интервью, ментальных карт, а также комментариев жителей к карте. Их было достаточно легко обнаружить, потому что имеющаяся сейчас дорога, по всей видимости, частично совпадает со старым зимником. Так мы выстроили дальний маршрут, включающий по-

клонный крест-ориентир, обозначающий начало зимнего пути по льду (сход с материка); гряды камней-«сопки», сложенные на зарастающих полях; деревья с нанесенными засечками — крестиком-ориентиром, а также следами добычи живицы.

Рис. 7. Go-along интервью с ялгубским краеведом Т. Д. Щербачевой.

Фото В. А. Комаровой, 2025

Fig. 7. A go-along interview with Yalguba local historian T. D. Shcherbacheva.

Photo by V. A. Komarova, 2025

На следующем этапе мы разрабатывали физический маршрут для туристов: искали путь, удобный и интересный для туристической обзорной прогулки, включающий видовые точки с выходом на озеро, подходящие для того, чтобы там стоять, не нарушая границы частных владений, и соотносили его с выявленными нами точками. В итоге версия локального текста, сконструированная в аудиогиде, оказалась во многом задана логикой движения по основной улице, проходящей вдоль берега, но с дополнениями и расширениями за счет нескольких выходов к воде и точек на границе деревни в лесной части.

После составления пилотных маршрутов и тематического плана будущего аудиогида мы провели апробацию экскурсии: анонсировали в социальных сетях деревни совместную прогулку, в ходе которой мы рассказывали о каждой точке то, что планировалось заложить в аудиогид. На эту прогулку пришло несколько жителей — наших основных партнеров. Начав с позиции (роли) слушателей, они достаточно быстро вышли из нее и стали активно делиться собственными воспоминаниями. Пробная экскурсия получилась очень длинной и перешла отчасти в формат еще одного go-along

интервью, в ходе которого мы встретили и других жителей и дополнительно пообщались с ними. Этот формат еще раз показал, что, как мы и планировали, активные ялгубцы, особенно знатоки местной истории, конечно, не являются целевой аудиторией аудиогuida. Тем не менее, нам удалось внести целый ряд изменений по итогам апробации. Эти изменения касались удобства маршрута, тематической стройности экскурсии, а также более точной локализации некоторых спорных исчезнувших объектов.

«Локальный текст» или «локальные тексты»?

Работая над проектом, мы столкнулись с тем, что для разных групп жителей локальный текст конфигурируется по-разному и, соответственно, имеет смысл говорить о «версиях локального текста». Кроме того, тематически он (ожидаемо) лишь частично пересекался с кругом «своих» антропологических и этнографических тем, на которые были ориентированы исследователи, работавшие в команде. Соответственно, рефлексия «исследовательской погрешности» занимала большое место в ежевечерних обсуждениях содержания будущего аудиогuida.

Какие же «версии локального текста» можно выделить? Как кажется, анализируя жизненные истории наших информантов, их можно соотнести с несколькими большими социовозрастными группами:

— постоянные жители (в среднем 60–70+, несколько информантов 30–40+) — наиболее погружены в жизнь и историю Ялгубы, старшее поколение знает, естественно, советский период, более молодые — современную жизнь, но все хранят некоторые знания в том числе о традиционных практиках и устной топонимии;

— «сезонные жители» среднего и пенсионного возраста, прожившие в Ялгубе детство и приезжавшие на лето к старшим родственникам, продолжающие ездить на летний сезон (в среднем 60–70+, несколько интервью 40–50+) — хранят детские воспоминания, знания вернакулярной топонимии, знания о сезонных летних практиках, но больше знают городскую профессиональную жизнь;

— дачники без деревенского прошлого, живущие в городе зимой (в среднем 50–70+, несколько интервью 40–50+). Они сближаются с предыдущей группой, но не включены в традиционный слой знания, если не проявляли специального личного интереса во взрослом возрасте;

— люди, переехавшие в молодости, чтобы работать в ялгубском лесхозе (в среднем 70+) — прожили основную часть жизни в деревне, хорошо знают жизнь и практики колхозного периода, но относительно мало включены в сообщество, а также лишены «симпрак-

тически» переданного знания о местных бытовых повседневных практиках, в том числе не владеют вернакулярной топонимией;

— хранители культурно-исторического наследия Ялгубы, независимо от возраста, рода их занятости и истории связей с деревней — эксперты по культурной информации, полученной не из устной истории, а из документов и собственных изысканий (2 человека, 30+ и 60+).

Рис. 8–9. Интервью с ялгубцами. Фото В. А. Комаровой, 2025

Fig. 8–9. Interviews with Yalguba residents. Photo by V. A. Komarova, 2025

Багаж воспоминаний у людей с разной биографией, очевидно, различается. Особенно показательным, кажется, является знание вернакулярной топонимии. Этот вопрос мы попробуем исследовать глубже.

Кроме того, можно говорить о существовании:

— «официальной» версии локального текста, куда входят родившийся в Ялгубе и ставший в последнее время известным в Карелии ювелир М. Е. Перхин, мастер Карла Фаберже, а также мемориал погибшим в Великой Отечественной войне;

— «исследовательской» версии локального текста Ялгубы, конструировавшейся членами нашей команды параллельно с «прочтением» местных локальных текстов. Скажем, «карельский» («людикский») текст местными жителями практически не считывается: он включает в себя рефлексы карельской культуры в топонимике и материальной культуре (деревья-карсикко⁷, в том числе около кладби-

⁷ Карсикко — у финно-угорских народов особым образом обрубаемое хвойное дерево, имеющее обычно обрядовую функцию.

ща). Но при этом тема вызывает у ялгубцев живой интерес, что проявилось, скажем, во время доклада Сергея Минвалеева, специалиста по карелам-людикам. Компромиссным проектным решением было включить эту тему в виде научно-популярной вставки в аудиогид и «привязать» ее к точке «Сельский этнографический музей».

Практические и теоретические вопросы для обсуждения

Проблематика выявления и исследования версий локального текста и тех социальных групп, которые являются их носителями, кажется интересной, важной и многообещающей. За возникновением разных версий локального текста, как кажется, стоят расколы памяти, связанные во многом с миграционными потоками: активными переездами в благополучную Ялгубу советских времен; отъездами из Ялгубы во время эвакуации в Великую Отечественную войну и невозможность вернуться в «ту» деревню; переездами из Ялгубы в Петрозаводск — и жизнью «на два дома» в формате дачника; переездами (возвращением) из города в деревню на пенсию. А за ними, в свою очередь, нетрудно увидеть и те разломы идентичности, которые проявляют себя в настоящем: изолированность переехавших — трудности адаптации, которые так и остались неразрешенными, несмотря на прожитую жизнь; поколенческая тоска по «хорошей жизни», утерянной в том деревенском идилическом детстве, от которого пришлось уехать в эвакуацию или переехать в город и в которое уже не вернуться. Здесь стоит сказать, что аналогичные разломы и разрывы в настоящее время фиксируются многими исследователями сельских территорий. Ср. описание зауральских «ландшафтов ностальгии» — пустеющих поселений, наполненных для жителей «призраками исчезнувших или изменившихся мест» у Ф. Корандея [Корандей 2023], наблюдения М. Нахшиной о практиках музеефикации собственного дома как материального воплощения утерянного прошлого в жизни дачников, уехавших из деревни «наполовину» [Нахшина 2011]).

Отдельно в этой связи важно думать об этике работы с памятью сообщества и локальным текстом. Насколько возможно исследователю «читать» локальный текст без «вчитывания» в него собственных исследовательских смыслов? Этично ли исследовать и «возвращать» в сообщество скрытые или табуированные темы (в Ялгубе такими темами оказались темы истории местного старообрядчества; репрессий и гонений на церковь; спорные сюжеты о коллаборационистах периода финской оккупации)? В какой мере и в каком виде для внешнего слушателя могут/должны быть представлены негативные образы местной жизни (скажем, колдовство, которое некоторые жители активно практиковали, или бытовое пьянство в

увлекательных рассказах об известных актерах, которые приезжали в Ялгубу на съемки)?

Возможно ли и как дать голос устной памяти и «призрачному прошлому» — сделать его слышимым, важным для многочисленных гостей деревни и для молодого поколения? Влияет ли как-то такая работа на идентификацию и «ткань» памяти тех ялгубцев, которые стали нашими основными партнерами и информантами? Будет ли кем-то принят как «свой» аудиогид, в котором ушедшее будет озвучено голосами жителей и исследователей, или он пройдет незамеченным и не вызовет отклика у жителей? Будет ли он интересен туристам или окажется слишком «домашним», локальным? Ответы на эти вопросы еще предстоит узнать.

Литература

- Алексеевский, М. Д., Жердева, А. М., Лурье, М. Л., Сенькина, А. А. (2008). Материалы к «Словарию локального текста Могилева-Подольского». *Антропологический форум*, (8), 419–442.
- Корандей, Ф. С. (2023). Деревенские пустыри: места сопричастности и картография «призраков» ландшафта сельской депопуляции. *Крестьяноведение*, 8(1), 23–44.
- Нахшина, М. Л. (2011). Восприятие домашнего пространства села постоянными жителями и приезжающими на лето. *Труды Кольского научного центра РАН*, (3/6), 41–53.
- Эткинд, А. (2024). *Кривое горе. Память о непогребенных*. М.: НЛО.
- Kusenbach, M. (2003). Street phenomenology: The go-along as ethnographic research tool. *Ethnography*, 4(3), 455–485. <https://doi.org/10.1177/146613810343007>
- Trigg, D. (2009). The place of trauma: Memory, hauntings, and the temporality of ruins. *Memory studies*, 2(1), 87–101. <https://doi.org/10.1177/1750698008097397>

References

- Alekseevskii, M. D., Zherdeva, A. M., Lur'e, M. L., Sen'kina, A. A. (2008). Materials for the "Dictionary of the Local Text of Mogilev-Podolsky". *Forum for Anthropology and Culture*, (8), 419–442. (In Russian).
- Etkind, A. (2024). *Crooked grief. Memory of the unburied*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Korandej, F. S. (2023). Rural wastelands: places of belonging and mapping the "ghosts" of the landscape of rural depopulation. *Krest'yanovedenie*, 8(1), 23–44. (In Russian).
- Kusenbach, M. (2003). Street phenomenology: The go-along as ethnographic research tool. *Ethnography*, 4(3), 455–485. <https://doi.org/10.1177/146613810343007>
- Nakhshina, M. L. (2011). The perception of domestic space of the village by permanent residents and summer visitors. *Trudy Kol'skogo Nauchnogo Tsentra Rossiiskoi Akademii Nauk*, (3/6), 41–53. (In Russian).
- Trigg, D. (2009). The place of trauma: Memory, hauntings, and the temporality of ruins. *Memory studies*, 2(1), 87–101. <https://doi.org/10.1177/1750698008097397>